

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

— Первый вопрос к вам, Олег Валерьянович, может быть, несколько неожиданный: ваши литературные пристрастия?

— В моей семье было много увлеченных людей. Любили русскую живопись и архитектуру, собирали книги и гравюры, «бюлели» МХАТом...

Мой отец, Валерьян Ношриванович Башилавилли, долгие годы проработавший директором Московского политехникума связи, не был страстным театралом. Но в самой натуре его, мне кажется, была заложена яркая театральность. И это в какой-то мере сыграло определенную роль в моей личной судьбе. Доктор филологических наук Ирина Сергеевна Ильинская, моя мать, всю жизнь отдала изучению русского литературного языка. Одно время она преподавала в Тбилисском университете, принимала участие в составлении словаря языка Пушкина...

И все же хочу сразу сказать, что мои родители никогда особенно не старались приобщить меня к литературе. Да и со школьными учителями мне не всегда везло.

Но... Это было во время войны, в Москве — я ведь коренной москвич. Когда начиналась бомбежка, мы с мамой часто спускались этажом ниже, в квартиру, где жила семья Григорьевых, из старых интеллигентов-разночинцев. У них была большая библиотека, и среди множества книг — дореволюционное издание собрания сочинений Чехова. Я очень хорошо запомнил эти небольшого формата книги в слегка потрепанном бумажном переплете.

И вот начиналось чтение вслух рассказов Чехова. Привычка, сейчас уже забытая. «Каштанка», «Пересоллил», «Унтер Пришибеев»...

С этих грозных военных вечеров вошел в мою жизнь самый любимый и близкий мне писатель — Чехов.

И та особая эмоциональность, которая возникала от чтения, своеобразная «домашность» обстановки помогли мне позже в работе над ролями чеховских героев — в частности над ролью Андрея Прозорова в спектакле «Три сестры» на сцене Большого драматического...

— В чеховских произведениях — множество тем. И среди них есть одна, как мне кажется, очень близкая вам как актеру. Это — тема несостоявшейся человеческой судьбы. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Герой повести Юрия Трифонова «Другая жизнь», историк, искал ту ниточку, тот «тончайший нерв истории», который тянется от поколения к поколению, соединяя прошлое с настоящим и будущим. И беда тому, кто эту ниточку рвет... Почему нас так волнуют сегодня Пушкин, Толстой, Чехов?.. Да потому, что в основе их жизни и творчества лежит духовность, которая и является той самой ниточкой, связывающей нас с ними, делающей близкими для нас мысли и чувства этих писателей.

...И чеховские герои с несостоявшимися жизнями. Тот же барон Тузенбах из «Трех сестер»... Сестры Прозоровы... Кажется бы, никчемные люди. Ничего не умеющие делать. Но

именно им Чехов симпатизирует. Потому что они духовны и тем близки нам. С их мучительными поисками своей необходимости людям. С их стремлением в Москву, где их корни и где они, как им кажется, найдут то, что им нужно. Хотя это стремление наивно, ибо войти дважды в одну и ту же реку невозможно...

А рядом такие люди, как Наташа. Если взглянуть в ее жизнь, то она может показаться очень даже разумной. Она постоянно в заботах. О том, чтобы в доме был порядок. О том, чтоб дети и муж были здоровы. О том, чтобы в комнатах было светло и сухо. Единственный ее поступок, способный вызвать у нас отрицательную реакцию, — когда она велит выгнать из дома старую нянюшку Анфису. Но и то — только потому, что та стара и ничего не может делать. Вроде бы тоже можно понять. Она до слез огорчена, когда видит на скамейке брошенную кем-то вилку. Но нам становится жаль тех людей, на которых

Олег БАСИЛАШВИЛИ:

«ЗАДЕТЬ ЗА ЖИВОЕ»

она кричит. И весь облик ее вызывает у нас чувство неприязни. Почему? Да потому, что Наташа — изначально бездуховна. От ее прикосновения гибнет все чистое и светлое, уходит поэзия, доброта, любовь. Все, без чего невозможно жить. И рвется нить...

Моя последняя работа в театре — Войничский в пьесе Чехова «Дядя Ваня» — как раз и позволяет говорить со зрителем на эту так волнующую меня сегодня тему — о духовности, о русской интеллигенции как высшем воплощении этой духовности.

— Почти вся ваша творческая жизнь связана с Ленинградским БДТ имени М. Горького. Довольны ли вы своей актерской судьбой?

— Доволен, потому что работаю в театре, который знает, зачем существует. который все время ищет, экспериментирует.

Мой актерский репертуар достаточно разнообразен. Могу называть князя Серпуховского в «Истории лошади» по повести Л. Н. Толстого «Холстомер», Басова в «Дачниках» М. Горького, Лыняева в «Волках и овцах» А. Н. Островского, Хлестакова в «Ревизоре» Н. В. Гоголя, Джингла в «Пиквикском клубе» Ч. Диккенса, Автора в «Нашем городке» Т. Уайлдера...

Привлекает каждый раз новый жизненный материал, его восприятие и, конечно, ге-

рой, характер которого предстоит воплотить на сцене. Скажем, в работе над ролью Джингла в «Пиквикском клубе» мне интересна была предельная обнаженность внешнего и внутреннего облика моего персонажа. Когда человек виден сразу во всем своем уродстве.

...Вспоминаю первое знакомство нашего театра с драматургией Брехта в начале шестидесятых. Это было время ломки устаревших канонов в нашем искусстве. А в брехтовских спектаклях сам способ существования был необычен, он раздвигал рамки сценического действия, сближал актеров со зрительным залом. В частности, метод Брехта оживил Шекспира, его драматургия приобрела объемность. В этом отношении очень интересной оказалась постановка «Ричарда III» в тбилисском театре... Я в то время работал над очень необычной для меня ролью — Бучер в «Карьере Артуро Уи». Необычная прежде всего новыми тогда для меня актерскими красками — гротескными, на, казалось бы, несовместимых контрастах...

И все же на первом плане для меня остаются Толстой, Чехов. И не только потому, что мне близки и понятны их проблемы. Мне кажется, что через их образы я в большей степени смогу донести до зрителя свои мысли и чувства.

И вообще, на мой взгляд, те-

атр в состоянии объединять людей, сидящих в зрительном зале, добротой, духовностью. И, к примеру, чеховская драматургия как раз и обладает возможностью выполнить эту задачу.

— В какой степени кинематограф удовлетворяет ваши творческие потребности?

— Несомненно, искусство театра — более живое, ибо заставляет актера все время меняться, искать новые краски, новые черты характера своего героя. В кино — все по-другому. Твоя работа зафиксирована на пленку и уже как бы застыла в своем конечном результате, и ничего изменить нельзя...

На мой взгляд, главное в кино — это современность. И для меня особенно дорога в этом плане моя последняя работа в фильме Эльдара Рязанова «Вокзал для двоих».

Этот фильм интересен реальным подходом режиссера к сегодняшним проблемам. Рязанов идет от жизни, от жизненных ситуаций, но пытается при этом разрушить стереотип, показать привычное как бы с изнанки... В жизни множество самых разных пластов — и все это существует, все заслуживает внимания.

Мой герой в фильме «Вокзал для двоих», пианист Платон Рябинин, человек слабохарактерный, привыкший жить по-накантальному, волею обстоятельств застревает на вокзале маленького заштатного городка Заступинска. И столкнувшись с непривычной для себя жизнью, вступив в конфликт с этой жизнью, после, я уверен, уже не сможет жить по-старому. Потому что он постиг ту самую многомерность жизни, о которой я говорил: столкнулся с жестокостью и цинизмом, встретил там, где совсем не ожидал, человеческое понимание, доброту, сочувствие...

Что я хочу от кинематографа? Большого разнообразия, большей возможности расширить свой актерский диапазон.

— Вы часто выступаете с литературными чтениями. Расскажите, пожалуйста, об этой стороне вашего творчества.

— К сожалению, не так часто. Не хватает времени.

Выступаю со стихами В. Маяковского, С. Есенина, Е. Евтушенко, И. Уткина. Начал работать над циклом стихов «Грузинская поэзия», куда войдут произведения Н. Бараташвили, Г. Орбелиани, современных грузинских поэтов. Большую помощь оказывает мне в этом тбилисский лингвист Е. Чхаташвили. На мой взгляд, ее переводы очень точны и близки подлиннику. Хочется глубже проникнуть не только в своеобразную темпераментную манеру грузинской речи, но и почувствовать ее внутренний ритм. Использую также прекрасные переводы Б. Пастернака и Н. Заболоцкого.

Композитор Андрей Петров написал тетралогии «Пушкин» с использованием стихов, оркестром и хором. Принимаю в ней участие как чтец.

— Ваша мечта?

— Всегда своей игрой задевать за живое, вызывать сопереживание у зрительного зала.

Беседу вела
Людмила СМЕРНОВА